

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт восточных рукописей
(Азиатский Музей)

MONGOLICA

Санкт-Петербургский журнал монголоведных исследований

Том XXIV • 2021 • № 1

Выходит 4 раза в год

Издается с 1986 г.

Учредитель: ФГБУН

Институт восточных рукописей РАН

**Посвящается 110-летию национально-освободительной
революции в Монголии**

191186. Санкт-Петербург,
Дворцовая наб., д. 18
Тел.: +7 (812) 315-87-28
<http://orientalstudies.ru>
mongolica@orientalstudies.ru
kulgan@inbox.ru
dnosov@mail.ru

Регистрационный номер и дата
принятия решения
о регистрации в Федеральной
службе по надзору в сфере
связи, информационных
технологий и массовых
коммуникаций (Роскомнадзор):
ПИ № ФС77-79202
от 22 сентября 2020 г.

Редакционная коллегия:

- И. В. Кульганек, *главный редактор,
доктор филологических наук (Россия)*
Д. А. Носов, *секретарь, кандидат филологических наук
(Россия)*
М. А. Козинцев, *помощник секретаря (Россия)*
Г. Билгуудэй, *доктор филологических наук (Монголия)*
А. Бирталан, *доктор наук (Венгрия)*
Р. М. Валеев, *доктор исторических наук (Россия)*
Л. С. Дампилова, *доктор филологических наук (Россия)*
И. В. Зайцев, *доктор исторических наук (Россия)*
Ж. Легран, *доктор наук, профессор (Франция)*
В. Капишовска, *доктор наук (Чехия)*
С. Л. Невелева, *доктор филологических наук (Россия)*
К. В. Орлова, *доктор исторических наук (Россия)*
М. П. Петрова, *кандидат филологических наук (Россия)*
Р. Поц, *доктор наук (Румыния)*
Т. Д. Скрынникова, *доктор исторических наук,
профессор (Россия)*
С. Чулуун, *академик МАН (Монголия)*
Е. Э. Хабунова, *доктор филологических наук (Россия)*
Н. Хишигт, *кандидат исторических наук (Монголия)*
Н. С. Яхонтова, *кандидат филологических наук (Россия)*

**Выпускающий редактор номера — доктор исторических наук
К. В. Орлова (Москва)**

Оригинал-макет изготовлен издательством «Петербургское Востоковедение»
Литературный редактор и корректор — Т. Г. Бугакова
Технический редактор — Г. В. Тихомирова
✉ 198152, Россия, Санкт-Петербург, а/я № 2
e-mail: pvcentre@mail.ru; *web-site:* <http://www.pvost.org>
Подписано в печать 05.03.2021
Формат 60×90 1/8. Объем 13 печ. л. Заказ №
Отпечатано в типографии ООО «Свое издательство»,
Санкт-Петербург. 4-я линия В. О., д. 5. *e-mail:* editor@isvovoe.ru

ISSN 2311-5939
DOI 10.25882/4d4v-4q30

© Институт восточных рукописей РАН
(Азиатский Музей), 2021
© Коллектив авторов, 2021

В НОМЕРЕ:

В. В. Грайворонский. К 110-летию национально-освободительной революции в Монголии в 1911 г.	5
Ж. Урангуа. Первый министр Министерства внутренних дел Монголии Цэрэнчимид и русско-монгольские переговоры 1912 г.	12

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Е. В. Асалханова. Система живописного убранства храмов северного буддизма	17
А. Ж. Бальжурова. Развитие жанровой системы бурятской буддийской танка во второй половине XIX в. (на материалах коллекции Национального музея Республики Бурятия)	21
С. Г. Батырева. «Джангариада» В. А. Фаворского в истории изобразительного искусства Калмыкии 30–40-х годов XX в.	26
И. Р. Гарри. Святые места Нгаба: по материалам экспедиции 2017 г.	38
Ю. И. Елихина. Находки из Хирхиринского городища, хранящиеся в Эрмитаже.	47
Р. Ю. Почекаев. Судебный процесс в Джунгарском ханстве с участием иностранцев (по запискам И. С. Унковского)	51

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

К. В. Алексеев. О топосе «похода» в монгольском сочинении «Эрдэни тунумал»	58
И. А. Алимов. Заметки о сяошо: «Сюй ши шо»	67
О. К. Бабаева. Анализ стихотворения Д. Н. Кугультинова «Оонин үкл, эс гиж эвдрсн өрүн», «Смерть сайгака, или расстрелянное утро»	74
А. В. Зорин. Заяц «Тибетского сказа» А. М. Ремизова и его тибетские прототипы	79
Б. В. Меняев, Б. Х. Борлыкова. Из истории записи сарт-калмыцкой версии эпоса «Джангар». . .	85

РЕЦЕНЗИИ И НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Литература по калмыцкой фольклористике. Сост. Т. Г. Басангова (Борджанова)	94
«Вторые Ковалевские чтения». Казань 1–2 декабря 2020 г. (И. В. Кульганек)	98

Р. Ю. Почкаев

Судебный процесс в Джунгарском ханстве с участием иностранцев (по запискам И. С. Унковского) *

© Р. Ю. Почкаев, 2021
DOI 10.25882/yed8-k615

В статье анализируется сообщение И. С. Унковского, российского посла в Джунгарском ханстве в 1722–1723 гг., о судебном разбирательстве у ойратов, непосредственными участниками которого стали члены русской дипломатической миссии. На основе анализа данного сообщения автор предпринимает попытку реконструкции основных элементов судебного процесса в Джунгарском ханстве, включая его этапы, статус участников, методы сбора доказательств и пр. Также суд, описанный И. С. Унковским, сравнивается с правовым регулированием процессуальных отношений у ойратов, зафиксированных в их основном своде законов «Их Цааз» (1640) и дополняющих его указах Галдана-Бошугту-хана 1670-х гг. Кроме того, анализируются особенности судебного разбирательства с участием иностранцев и выясняются причины, по которым русские участники оказались в более выгодном процессуальном положении, чем другие иностранцы.

Ключевые слова: Российская империя, Джунгарское ханство, записки путешественников, традиционное право, суд и процесс.

Почкаев Роман Юлианович — кандидат юридических наук, доцент, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Россия, 198099, Санкт-Петербург, Промышленная ул., 17).
rpochekaev@hse.ru

Важным источником в историко-правовых исследованиях выступают тексты неюридического характера, но содержащие при этом сведения, существенно дополняющие результаты изучения памятников права — кодификации, законы, указы, материалы правоприменительной практики и пр. Среди них особое место занимают записки очевидцев, в т. ч. иностранных, которые сами при разных обстоятельствах побывали в соответствующем государстве и стали в нем участниками правовых отношений. Сравнение их сведений с памятниками права позволяет проанализировать, как те или иные юридические принципы и нормы применялись на практике, были актуальны в определенный период времени, соответствовали сложившейся правовой практике и пр.

Особенно важным подобный источник представляется при изучении права государств, относящихся к так называемой «традиционной» правовой семье, в

которой писаное право эффективно и органично сочеталось (и сочетается до сих пор) с этическими, религиозными, порой — бытовыми нормами. Нередко от таких государств не сохраняется значительного числа правовых памятников, поэтому представление об их правовой системе существенно дополняют неюридические источники, включая записки путешественников.

К числу таких государств можно отнести Джунгарское ханство — ойратское государство в Западной Монголии (сегодня — часть Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР), существовавшего в XVII — середине XVIII в., которое с конца XVII в. и вплоть до 1750-х гг. играло весьма значительную роль в истории Центральной Азии, поддерживая дипломатические и экономические отношения с ведущими государствами этого региона, а также на равных соперничая с империей Цин за контроль над Монголией, Восточным Туркестаном и сопредельными территориями.

От этого государства сохранилось, по сути, лишь несколько законодательных актов, тогда как основные данные о его государственности и праве иссле-

* Исследование выполнено в Институте языков и культуры имени Льва Толстого при поддержке Российского научного фонда (проект № 19-18-00162).

дователи черпают из иностранных источников, причем преимущественно китайских. В специальном исследовании мы уже предприняли попытку показать значение записок русских путешественников как источника сведений о джунгарском государстве и праве. Там же было упомянуто сообщение Ивана Степановича Унковского — российского дипломата, побывавшего с посольской миссией у ойратского хунтайджи Цэван-Рабдана в 1722–1723 гг., содержащее описание суда с участием членов его посольства [Почекаев, 2019. С. 35–36]. Ниже мы намерены более подробно проанализировать это сообщение, поскольку оно является одним из немногих подробных описаний судебного разбирательства в соответствии с традиционным правом монголов и, насколько нам известно, едва ли не единственным описанием суда непосредственно в Джунгарском ханстве, о котором исследователи до сих пор судили в большинстве случаев на основании письменных источников — в частности, ойратского законодательного свода «Их Цааз», принятого на Джунгарском съезде 1640 г., и двух указов (ярлыков) Галдана Бошугту-хана (1671–1697), изданных в дополнение к этой кодификации [Гурлянд, 1904. С. 81–82; Команджаев, 2010. С. 92–94; Рязановский, 1931. С. 62–64].

Соответственно, этот источник дает возможность не только реконструировать основные этапы и стадии судебного процесса, охарактеризовать статус его участников, виды используемых доказательств и пр., но и соотнести данные о конкретном судебном разбирательстве с соответствующими положениями упомянутого ойратского законодательства. Тем самым мы выясним, в какой мере писанные законы (в процессуальной сфере) претворялись в жизнь на практике, т. е. выявим сходства и различия между «писанным» и «живым» правом.

Для начала считаем целесообразным привести полностью соответствующий фрагмент записок И. С. Унковского:

29 [мая] Приехал в нашу кошу караульной калмык, взяв у другого продавать лошадь, и оную лошадь познал солдат Семен Дорохов, что оная его, на которой он ехал, и оная послана к Санжи зайсану, и сказать приказано, что та лошадь наша, оставлена, едучи в пути, при урочище Самоль, и пятно на оной казенное, чтоб о том розыскать и оную лошадь солдату отдать. Зайсан сказал, что надлежит о том судить в главном зайсанском суде при Урге. И велел оную лошадь с хозяином отослать к суду; но судей тогда не было. И тако проволочили июня по 2 число.

Того ж числа присылал Санжи зайсан сказать, что у них будет богомоление, и он на несколько дней отлучится и будет при Урге. Сказано оному присланному, ежели можно, чтоб мне при той оказии быть и дабы о том зайсану донесено было.

...
1 [июня] Помянутому солдату повещено было, чтоб ехал на зургу (или к суду) о лошади. И ездили; но

никакого суда не получили: сказали, что зайсанам не время.

2 [июня] Помянутой солдат Дорохов с толмачом ездили на зургу, или на суд, и были пред зайсанами, которых сидело десять человек, и оного солдата и толмача посадили против себя сажень в двух, а ответчика калмыка, у которого лошадь познали, подле толмача по левую руку. И спрашивали прежде солдата, что он подлинно ли познавает, что то лошадь его, и какие на ней признаки и в каких летах. И оной солдат признаки и лета сказал. Потом послали тех примет и лет освидетельствовать, и по свидетельству явилось против солдатской сказки. Потом спросили ответчика калмыка, что ту лошадь, где он взял? Он сказал, что будто оная лошадь у него дома родилась, и про то знают в его аймаке многие люди. И тако выслушав, зайсаны сказали солдату, что они пошлют в табун осмотреть и ежели в табуне не явится такой лошади, то ему оная отдана будет, а ежели явится, то не отдана будет, объявляя, что лошадь в лошадь бывает. И тако до самого отъезду проволочили, а при отъезде оную привели измученную и к походу негодную; но вместо оной другую, плохую, дали, и правого суда не учинили [Унковский, 1887. С. 94–95].

Данное сообщение, как представляется, отражает практически все стадии судопроизводства, начиная с возбуждения дела (подачи иска) и до принятия и исполнения решения. Как можно из него понять, судебный процесс в Джунгарском ханстве последовательно проходил ряд стадий, каждая из которых в той или иной степени, несомненно, регулировалась нормами ойратского права.

На первый взгляд речь идет об одном из самых, пожалуй, распространенных в кочевых обществах преступлении — конокрадстве. В ойратском праве (равно как и в праве Северной Монголии — Халхи) расследование этого преступления и определение наказания за него регламентируется достаточно четко [Гурлянд, 1904. С. 77–78].

Однако в данном случае дело осложнялось тем, что в качестве потерпевшего оказался член российского посольства — солдат Семен Дорохов, т. е. представитель другой державы, кроме того, и сама украденная лошадь была государственным имуществом, на что указывает упоминание о наличии у нее «пятна», т. е. тамги или тавра. Таким образом, дело оказывалось неподсудным местному суду, почему и было передано в «главный зайсанский суд». Надо сказать, что подобное решение не было каким-то экстраординарным: в судебной системе Джунгарского ханства существовала многоуровневая и четко регламентированная судебная система [Рязановский, 1931. С. 63], и подсудность дела зависела от родоплеменной принадлежности их сторон. Так, например, согласно первому указу Галдана Бошугту-хана, мусульманские подданные джунгарских хунтайджи, проживавшие в одном селении, судились в местном

суде, если же стороны были представлены жителями разных селений, то их судил уже главный мусульманский судья ([Их Цааз, 1981. С. 32. П. 6]; см. также: [Уметбаев и др., 2013. С. 32]). Соответственно, дела между ойратскими и мусульманскими подданными джунгарских правителей разбирал именно главный суд, т. е. высшая судебная инстанция ханства [Гурлянд, 1904. С. 81]. Таким образом, дело, связанное с похищением коня российской посольской миссии, также оказалось подведомственным именно этому суду — «по аналогии».

Следует отметить, что сведения о главном суде Джунгарского ханства весьма немногочисленны, в связи с чем исследователи характеризуют его на основе более подробно освещенного в источниках аналога — «зарго», верховного суда Калмыцкого ханства [Златкин, 1983. С. 275–276]. О нем, в частности, известно, что он осуществлялся при ханской ставке представителями высшего чиновничества (*зайсангами*), среди которых имелись и представители духовенства — ламы. Судьям оказывали содействие писцы (*битикчи*) и приставы (*яргучи*), «рассыльщики» (т. е. гонцы, посылавшиеся для вызова участников дела в суд) и др. [Бакунин, 1995. С. 146]. Поскольку эти же чиновники являлись доверенными лицами ханства, исследователи приходят к заключению, что суд «зарго» был также и совещательным органом при хане [Бакунин, 1995. С. 146], не принимая во внимание характерное для традиционного общества совмещение административных и судебных функций в руках одних и тех же чиновников¹. Соответственно, более корректным было бы указать, что не судьи являлись советниками ханов, а ханские чиновники-советники осуществляли также и судебные функции. Обратившись к запискам И. С. Унковского, мы имеем возможность убедиться в обоснованности экстраполяции исследователями сведений о калмыцком суде на суд джунгарский: он также осуществлялся ханскими чиновниками — зайсанами, близкими ко двору хунтайджи Цэван-Рабдана.

Отметим, что термин *зайсан*, по всей видимости, являлся обобщающим для чиновничества Джунгарского ханства, поскольку конкретные функции выполняли чиновники, носившие специальные звания [Чернышев, 1990. С. 67–71]. Объединяло зайсанов то, что они назначались на должность непосредственно ханами из числа родовой знати или потомственного чиновничества, однако порой и из людей довольно низкого происхождения [Уметбаев и др., 2013. С. 31]².

¹ В этом отношении весьма интересна параллель, проведенная А. Ш. Кадырбаевым между судом зайсанов в Джунгарском ханстве и судом биев в казахских жузах: последние также являлись администраторами и судьями в одном лице (правда, с той разницей, что они выбирались самими родами и племенами, а не назначались казахскими монархами) [Кадырбаев, 2017. С. 5].

² Аналогичную практику формирования чиновного аппарата практиковали и калмыцкие ханы: так, хан Дондук-

Исследователи совершенно справедливо рассматривают формирование общеойратского права и деятельность суда из ханских чиновников (а не самых родовитых тайджи и нойонов) как свидетельство централизации власти в Джунгарском ханстве и ограничения своеволия родовитых князей [Златкин, 1983. С. 265, 268; Кадырбаев, 2016. С. 33].

Обратим внимание на сообщение зайсана, к которому представители российского посольства обратились с иском, что дело будет рассматриваться в суде «при урге»: в самом деле, согласно упомянутому указу хана Галдана, суд не позволялось проводить «вне определенного места» [Их Цааз, 1981. С. 31. П. 11]: формализм разбирательства должно было подчеркнуть даже его размещение, в данном случае «урга», т. е. ханская ставка. Аналогичным образом и «зарго» в Калмыцком ханстве также располагался «при доме ханском» [Бакунин, 1995. С. 146].

Три дня спустя после подачи российскими дипломатами иска о возвращении лошади состоялось заседание «главного суда», на котором интересы дипломатов представлял как раз С. Дорохов, который и опознал похищенную лошадь. Обратим внимание, что, согласно свидетельству дипломата, зайсанов было десять, тогда как применительно к суду в Калмыцком ханстве современники отмечают не более восьми судей. Впрочем, можно предположить, что столь значительное число членов «судейской коллегии» объяснялось международным уровнем рассматриваемого дела. Предписания «Их Цааз» и указа хана Галдана об обязательном присутствии на суде обеих сторон [Их Цааз, 1981. С. 28. П. 180; С. 30. П. 9], как видим, было соблюдено, и Унковский в своих записках даже не упоминает о каких-либо проблемах в связи с вызовом ответчика. Принимая во внимание иностранную принадлежность представителя стороны истца, судьи позаботились о решении языковой проблемы: между ним и его противником-ойратом (калмыком) посадили переводчика (толмача).

Следующие сведения И. С. Унковского содержат весьма подробное описание отдельных стадий судебного разбирательства, которые в целом соответствуют и современному процессуальному праву. Так, суд начался с заслушивания показаний истца, которого подробно опросили на предмет оснований требовать передачи ему лошади, после чего слова С. Дорохова были проверены путем осмотра «предмета разбирательства», т. е. собственно лошади. Затем слово было предоставлено ответчику, который ожидаемо дал прямо противоположные показания, сославшись на то, что подтвердить его право собственности на лошадь могут «в его аймаке многие люди». При этом

Омбо (1737–1741), как свидетельствует В. М. Бакунин, назначал зайсанами «рядовых калмыков», что «природные заясанги почитали себе за крайнюю обиду» [Бакунин, 1995. С. 147].

записки И. С. Унковского не позволяют дать ответ на вопрос, почему ответчик изначально не озаботился предоставлением свидетелей, ведь в таком случае его дело можно было бы считать выигранным. Позволим себе предположить, что калмык не захотел нести расходы, связанные с участием в процессе свидетелей, ведь, согласно ойратскому праву и судебной практике, они в случае победы стороны, в пользу которой давали показания, могли претендовать на вознаграждение — вплоть до половины стоимости иска [Их Цааз, 1981. С. 28. П. 177]. Факт опрашивания представителей обеих сторон подтверждает отмечаемый исследователями принцип состязательности в судебном процессе у ойратов и калмыков [Команджаев, 2010. С. 92].

В результате суда, который имел в своем распоряжении только показания сторон, воспринятые им, по всей видимости, как равные по силе, потребовались дополнительные доказательства. Для их получения суд принял решение провести своеобразную экспертизу, послав (вероятно, опытных в коневодстве лиц) для проверки, имеются ли в табуне ответчика лошади, похожие на составлявшую предмет спора. Это тоже можно соотнести с процессуальными требованиями ойратского законодательства: в указе Галдана Бошугту-хана 1678 г. предписывается проводить расследование по спорам между ойратами и мусульманами в случае, если участники разбирательства принадлежат к разным народам [Их Цааз, 1981. С. 31. П. 3].

Весьма примечательно, что Унковский ничего не говорит о результате «экспертизы», хотя, как можно судить по решению суда, посланные в аймак ответчика специалисты пришли к выводу, что такой лошади в табуне нет, почему, в конце концов «оную привели». Тот факт, что возвращенная лошадь была «измученная, к походу негодная», дает основание сделать вывод, что спорное имущество не было изъято судом у ответчика и он, предполагая, что будет вынужден отдать ее по решению суда (что и случилось), не жалел ее, доведя до совершенно негодного состояния. Естественно, такое решение не удовлетворило российских дипломатов, которые, конечно же, отказались принять ее в таком виде. Тогда им была предоставлена взамен другая лошадь, причем тоже «плохая». Завершающая фраза И. С. Унковского о том, что по иску посольства «правового суда не учинили», отражает тот факт, что суд, признав ответчика виновным, тем не менее не применил в отношении него предусмотренного «Их Цааз» наказания, согласно которому уличенный в похищении лошади должен был выплатить крупное возмещение: за жеребца или мерина — девять десятков голов скота, за кобылу — восемь десятков, за жеребенка — шесть [Их Цааз, 1981. С. 22. П. 100]. Таким образом, суд и в самом деле предвзято отнесся к иностранным истцам.

Тем не менее принятие иска к рассмотрению, проведение разбирательства и даже совершение дополнительных действий, связанных с «экспертизой» и возвращением русским дипломатам их имущества (пусть и в ненадлежащем состоянии), позволяет сделать вывод, что российское подданство истцов обусловило их особые процессуальные права по сравнению с другими иностранцами в Джунгарском ханстве.

Согласно запискам российских путешественников 1730–1750-х гг., джунгарские судьи применяли «двойные стандарты» при решении дел, в которых сторонами были ойраты и представители других народов из числа подданных хунтайджи: если истцом или потерпевшим был ойрат, то его противник наказывался строже, тогда как если ойрат выступал ответчиком или подсудимым, то в отношении него принималось более мягкое решение или приговор (см. подробнее: [Почекаев, 2019. С. 34–35]).

Не слишком гостеприимно относились ойратские правители и их чиновники и к иностранным дипломатам: послы империи Цин и хошоутских правителей Тибета и Кукунора в Джунгарском ханстве, а также представители вассальных правителей Среднего жуза, в отличие от русских, находились «под караулом», содержались в гораздо худших условиях и получали более скудное питание. Причиной пренебрежительного отношения к китайским посланцам стали миролюбивые инициативы императора Юньчжэна (1723–1736), который ко времени описываемых событий только что вступил на престол, не чувствовал себя уверенно во главе государства и, в отличие от своего отца Канси (1662–1722), постоянно воевавшего с ойратами³, предложил джунгарскому монарху заключить мир, что было воспринято последним как слабость [Слесарчук, 2013. С. 211; Perdue, 2005. P. 209]. Вероятно, стремлением хошоутской правящей элиты к миру с империей Цин, несмотря на принадлежность ее к ойратскому народу, объяснялось и пренебрежение к дипломатическим представителям Тибета и Кукунора при дворе хунтайджи⁴.

Впрочем, следует обратить внимание на то, что далеко не все и российские дипломаты находили столь радушный прием в Джунгарском ханстве. Особое отношение к миссии И. С. Унковского объясняется тем, что он прибыл ко двору хунтайджи Цэван-Рабдана с изначальным намерением заключить выгодный в политическом и экономическом отношении договор и в течение своего пребывания при дворе выражал всяческую заинтересованность в сотруд-

³ Любопытное мнение высказал В. П. Санчилов, склонный видеть в «Их Цааз» средство противостояния ойратов и их союзников-монголов маньчжурской агрессии [Санчилов, 2011. С. 104].

⁴ Как раз в 1723 г. хошоуты Кукунора восстали против маньчжурских оккупационных властей [Солощева, 2013].

ничестве с Джунгарским ханством как весьма перспективным дипломатическим и торговым партнером [Courant, 1912. P. 68–69; Perdue, 2005. P. 214]. Правда, как только соответствующие договоренности между российским послом и джунгарским хунтайджи были достигнуты, российская миссия перестала представлять интерес для ойратов, что и нашло отражение в свертывании рассматриваемого разбирательства («и тако до самого отъезду проволочили») и в конечном решении, которое явно отражает вышеупомянутое предвзятое отношение ойратских судей к иноземцам в пользу собственных соотечественников⁵.

Еще одним показателем особого формата судопроизводства в связи с участием в разбирательстве представителей иностранного государства стало то, что никто из участников процесса не приносил присягу, хотя в деле о конокрадстве, согласно «Их Цааз», достаточно было, при отсутствии явных доказательств вины подозреваемого, чтобы присягнул либо шуленга (староста) его айла перед сайтом, правителем отока, либо тот — перед нойоном, правителем аймака [Их Цааз, 1981. С. 22–23. П. 101]. Поскольку показания российского истца были единственным доказательством против таких же показаний ойратского ответчика, принесение присяги участниками процесса было бы логичным, но судьи, по всей видимости, приняли во внимание принадлежность истца и ответчика к разным религиям: клятва, данная

ответчиком в соответствии с буддийскими религиозными канонами, несомненно, ничего не значила бы в глазах российских послов, являвшихся христианами⁶, более того, она могла бы быть опротестована ими и вызвать новый виток разбирательства, возможно, даже с участием самого хунтайджи.

Подводя итоги проведенного исследования, мы можем сделать вывод, что многие процессуальные нормы ойратского законодательства — свода законов «Их Цааз» и дополнявших его указов Галдана Бошугту-хана нашли отражение в проанализированном казусе, и это свидетельствует об актуальности ойратского законодательства в практике регулирования правоотношений, в том числе и процессуальных⁷. Вместе с тем тот факт, что одна из сторон была представлена иностранцами, обусловил, во-первых, неприменение некоторых видов получения доказательств (присяга), во-вторых, затягивание процесса и вынесение решения с нарушением прямых указаний материальных норм «Их Цааз». Это дает основание утверждать, что джунгарское писаное право в полной мере распространялось исключительно на ойратских подданных хунтайджи (ср.: [Команджаев, 2010. С. 94; Рязановский, 1931. С. 39]), тогда как в отношении других народов ханства и иностранных подданных на его территории оно применялось избирательно — во многом в зависимости от международных интересов джунгарских правителей.

Использованная литература

Бакунин, 1995: *Бакунин В. М.* Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. Сочинение 1761 года. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1995. 153 с.

Bakunin V. M. Opisaniye kalmytskikh narodov, a osoblivo iz nikh torgout'skogo, i postupkov ikh khanov i vladel'tsev. Sochineniye 1761 goda. Elista: Kalmytskoe knizhnoye izd-vo, 1995. 153 s.

Bakunin V. M. Description of the Kalmyk peoples, especially Torghouts, deeds of their khans and rulers. Elista: Kalmyk book publishing house, 1995. 153 p.

Гурлянд, 1904: *Гурлянд Я. И.* Степное законодательство с древнейших времен по XVII столетие. Казань: Типографія Императорскаго ун-та, 1904. 112 с.

Gurlyand Ya. I. Stepnoye zakonodatel'stvo s drevneyshikh vremen po XVII stoletiye. Kazan': Tipolitografiya Imperatorskogo un-ta, 1904. 112 s.

Gurlyand Ya. I. Steppe legislation since the ancient times to the 17th century. Kazan': Imperial university typo-lithography, 1904. 112 p.

Их Цааз, 1981: Их Цааз (Великое уложение): Памятник монгольского феодального права XVII в. / пер., введ. и коммент. С. Д. Дылыкова. М.: Наука, 1981. 147 с.

Ikh Tsaaz (Velikoe ulozhenie): Pamyatnik mongol'skogo feodal'nogo prava XVII v. / Per., vved. i komment. S. D. Dylykova. Moskva: Nauka, 1981. 147 s.

S. D. Dylykov (transl.). *Ikh Tsaaz (The Great Code): The monument of the Mongol feudal law of the 17th c.* Moscow: Nauka, 1981. 147 p.

Зайцев, 2008: *Зайцев И. В.* Проблема удостоверения клятвенных обязательств мусульманина перед христианской властью в России XVI–XIX веков // Российская история. 2008. № 4. С. 3–9.

Zaitsev I. V. Problema udostovereniya klyatvennykh obyazatel'stv musul'manina pered khristianskoy vlast'yu v Rossii XVI–XIX vekov // Rossiyskaya istoriya. 2008. № 4. S. 3–9.

Zaitsev I. V. The problem of certification of sacramental obligations of Moslem before Christian authority in Russia of 16th–19th centuries // Russian History. 2008. 4. P. 3–9.

⁵ Для сравнения приведем еще один пример из записок того же И. С. Унковского, когда «караульной калмык» «обиду учинил» еще одному члену российского посольства подъячму И. Козлову «и еще одному человеку», ойратский суд, которому было представлено достаточно доказательств вины его соотечественника, тут же вынес решение в пользу пострадавших, приговорив виновного к наказанию и, таким образом, «право судил» [Унковский, 1887. С. 107].

⁶ Аналогичные проблемы возникали в российской правовой практике, когда одной из сторон выступали православные, а другой — мусульмане [Зайцев, 2008. С. 4–6].

⁷ Согласно В. М. Бакунину, в юрте, где проходили заседания калмыцкого «зарго», постоянно хранилось «Уложение», т. е. «Их Цааз» [Бакунин, 1995. С. 146].

Златкин, 1983: *Златкин И. Я.* История Джунгарского ханства (1635–1758) / 2-е изд. М.: Наука, 1983. 332 с.

Zlatkin I. Ya. Istoriya Dzhungarskogo khanstva (1635–1758) / 2-e izd. Moskva: Nauka, 1983. 332 s.

Zlatkin I. Ya. The history of Zunghar Khanate (1635–1758) / 2nd ed. Moscow: Nauka, 1983. 332 p.

Кадырбаев, 2016: *Кадырбаев А. Ш.* Памятники степного права «Жеты-Жаргы», «Их Цааз», «Цааджин Бичик» и культурные взаимосвязи ойратов, калмыков и халхасцев с казахами в эпоху Цин // *Mongolica-XVII*. 2016. С. 30–34.

Kadyrbaev A. Sh. Pamyatniki stepnogo prava «Zhety-Zhargy», «Ikh Tsaaz», «Tsaadzhin Bichik» i kul'turnye vzaimosvyazi ойратов, kalmykov i khalkhastsev s kazakhami v epokhu Tsin // *Mongolica-XVII*. 2016. S. 30–34.

Kadyrbaev A. Sh. Monuments of steppe legislation «Jety-Jargy», «Ikh Tsaaz», «Tsaadzhin Bitchig» and cultural relations of Oirats, Kalmyks, Khalkha with Kazakhs during the Qing period // *Mongolica*. 2016. XVII. P. 30–34.

Кадырбаев, 2017: *Кадырбаев А. Ш.* Правовые и культурные взаимосвязи калмыков Джунгарии и Поволжья, халхасцев с казахами: XVII–XVIII вв. // *Вестник КИГИ РАН*. 2017. Т. 33. № 5. С. 2–10.

Kadyrbaev A. Sh. Pravovye i kul'turnye vzaimosvyazi kalmykov Dzhungarii i Povolzh'ya, khalkhastsev s kazakhami: XVII–XVIII vv. // *Vestnik KIGI RAN*. 2017. T. 33. № 5. S. 2–10.

Kadyrbaev A. Sh. Legislative and cultural relations of Kazakhs with Kalmyks of Dzungaria, Volga Kalmyks and Khalkha Mongols during the 17th–18th centuries // *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences*. 2017. 33. 5. P. 2–10.

Команджаев, 2010: *Команджаев Е. А.* Осуществление правосудия у калмыков в XVII–XIX вв. // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2010. № 3. С. 92–96.

Komandzhaev E. A. Osushchestvlenie pravosudiya u kalmykov v XVII–XIX vv. // *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*. 2010. № 3. S. 92–96.

Komandzhaev E. A. Realization of justice by Kamyks in 17th–19th cc. // *Laws of Russia: experience, analysis, practice*. 2010. 3. P. 92–96.

Почекаев, 2019: *Почекаев Р. Ю.* Российские путешественники о правовых отношениях в Джунгарском ханстве XVIII в. // *Oriental Studies*. 2019. Т. 41. № 1. С. 28–40.

Pochekaev R. Yu. Rossiyskie puteshestvenniki o pravovykh otnosheniyakh v Dzhungarskom khanstve XVIII v. // *Oriental Studies*. 2019. T. 41. № 1. S. 28–40.

Pochekaev R. Yu. Russian Travelers on Legal Relations in the 18th-Century Zunghar Khanate // *Oriental Studies*. 2019. 41. 1. P. 28–40.

Рязановский, 1931: *Рязановский В. А.* Монгольское право, преимущественно обычное. Харбин: Типография Н. Е. Чинарева, 1931. 306 с.

Ryazanovskiy V. A. Mongol'skoe pravo, preimushchestvenno obychnoe. Kharbin: Tipografiya N. E. Chinareva, 1931. 306 s.

Ryazanovskiy V. A. Mongolian law, predominantly customary one. Harbin: N. E. Chinarev's Printing Press, 1931. 306 p.

Санчи́ров, 2011: *Санчи́ров В. П.* Джунгарский съезд монгольских и ойратских князей (1640 г.) // *Восток. Афроазиатские общества: История и современность*. 2011. № 2. С. 101–105.

Sanchirov V. P. Dzhungarskiy s"ezd mongol'skikh i ойратских knyazey (1640 g.) // *Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: Istoriya i sovremennost'*. 2011. № 2. S. 101–105.

Sanchirov V. P. Zunghar congress of Mongol and Oyrat princes (1640) // *Oriens*. 2011. 2. P. 101–105.

Слесарчук, 2013: *Слесарчук Г. И.* Из истории русско-джунгарских отношений в начале XVIII в. // Г. И. Слесарчук. Статьи разных лет. Улан-Батор: [Б. и.], 2013. С. 209–212.

Slesarchuk G. I. Iz istorii russko-dzhungarskikh otnosheniy v nachale XVIII v. // G. I. Slesarchuk. Stat'i raznykh let. Ulan-Bator: [Bez idatel'stva], 2013. S. 209–212.

Slesarchuk G. I. On the history of Russian-Zunghar relations at the beginning of the 18th c. // G. I. Slesarchuk. Articles of different years. Ulaanbaatar: [S. n.], 2013. P. 209–212.

Солощева, 2013: *Солощева М. А.* Кукунорский мятеж 1723–1724 годов и его значение для истории Тибета // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 13. «Востоковедение и африканистика»*. 2013. № 1. С. 58–67.

Soloshcheva M. A. Kukunorskiy myatezh 1723–1724 godov i ego znachenie dlya istorii Tibeta // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 13. Vostokovedenie i afrikanistika*. 2013. № 1. S. 58–67.

Soloshcheva M. A. The significance of the Koko Nor rebellion of 1723–1724 in the history of Tibet // *Vestnik of the St. Petersburg University. Ser. 13. Oriental and African Studies*. 2013. 1. P. 58–67.

Уметбаев и др., 2013: *Уметбаев Т. Ш., Тепляшин П. В., Бутадаров С. М.* Становление правовой системы западных монголов в XVII–XVIII вв. (по материалам Г. И. Спасского) // *Проблемы востоковедения*. 2013. № 3 (61). С. 28–38.

Umetbaev T. Sh., Teplyashin P. V., Butadarov S. M. Stanovlenie pravovoy sistemy zapadnykh mongolov v XVII–XVIII vv. (po materialam G. I. Spasskogo) // *Problemy vostokovedeniya*. 2013. № 3 (61). S. 28–38.

Umetbaev T. Sh., Teplyashin P. V., Butadarov S. M. The development of the western Mongolian legal system in 17th and 18th centuries (according to G. I. Spassky's materials) // *The Problems of Oriental Studies*. 2013. 3 (61). P. 28–38.

Унковский, 1887: *Посольство к зюнгарскому хун-тайчжи Цэван Рабтану капитана от артиллерии Ивана Унковского и путевой журнал его за 1722–1724 годы / Изд., предисл. и примеч. Н. И. Веселовского.* СПб.: Типография В. Киршбаума, 1887. 277 с.

Posol'stvo k zyungarskomu khun-taychzhi Tsevan Rabtanu kapitana ot artillerii Ivana Unkovskogo i putevoy zhurnal ego za 1722–1724 gody / Izd., predisl. i primech. N. I. Veselovskogo. Sankt-Peterburg.: Tipografiya V. Kirshbauma, 1887. 277 s.

N. I. Veselovskiy (ed.). *Embassy to the Zunghar Khong Tayiji Tsevang Rabtan of Ivan Unkovsky, the captain of artillery, and his travel diary of 1722–1724.* St. Petersburg: V. Kirshbaum's Printing Press, 1887. 277 p.

Чернышев, 1990: *Чернышев А. И.* Общественное и государственное развитие ойратов в XVIII в. М.: Наука, 1990. 135 с.

Chernyshev A. I. Obshchestvennoe i gosudarstvennoe razvitiye ойратов v XVIII v. Moskva: Nauka, 1990. 135 s.

Chernyshev A. I. Social and state development of Oyrats in the 18th c. Moscow: Nauka, 1990. 135 p.

Courant, 1912: *Courant M. L'Asie Centrale aux XVIIe et XVIIIe siecles. Empire Kalmouk ou Empire Mantchou?* Lyon: Imprimerie A. Rey, 1912. 151 p. (In French).

Perdue, 2005: *Perdue P. C. China Marches West: The Qing Conquest of Central Asia.* Cambridge; London: The Belknap Press, 2005. 725 p.

Roman Yu. Pochekaev

**Judicial proceeding in the Zunghar Khanate with the participation of foreigners
(based on the notes of I. S. Unkovskiy)**

The article is an analysis of the report of Ivan Unkovskiy, the ambassador of the Russian Empire in the Zunghar Khanate in 1722–1723 devoted to the Oyrat trial with the participation of members of the Russian embassy. This text allows author to reconstruct the basic elements of the judicial proceeding in the Zunghar Khanate including its stages, status of participants, methods of gathering and evaluation of evidences, etc. This case also gives an opportunity for the comparative legal analysis of specific case and rules of court proceeding in the Oyrat law, especially in the code of laws Ikh Tsaaz (“Great Code”) of 1640 and two edicts of Galdan Boshughtu Khan of 1670s which supplemented it. Besides that, the specific feature of this case is a participation of foreigners in the trial. It allows to clarify the reasons of privileged status of Russian participants in contrast to less capable one of foreign subjects who also were under trial in the Zunghar Khanate.

Key words: Russian Empire, Zunghar Khanate, travelers’ notes, traditional law, court and proceedings.

Roman Yu. Pochekaev — Candidate in law, associate professor, professor, head of the Department of theory and history of law and state, National Research University Higher School of Economics (17, Promyshlennaya str., St. Petersburg, 198099, Russia).
rpochekaev@hse.ru